

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
УДК 82 (091)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>
<https://elibrary.ru/FOLROE>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Следуют пункты». К истории взаимоотношений М. Горького с «Самарским вестником» и Р.Э. Циммерманом

© 2023, М.А. Перепелкин, О.В. Пелевина
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва
Самара, Россия

Аннотация: Делая поправки к собственной биографии, написанной И.А. Груздевым, М. Горький в 1933 г. уделил особое внимание тому, как был освещён в ней самарский период его деятельности и его взаимоотношения с газетой «Самарский вестник», одним из самых заметных сотрудников которой был публицист и писатель Р.Э. Циммерман. Привлекая мемуары и свидетельства современников М. Горького и Р.Э. Циммермана — Н.А. Самойлова и А.А. Санина, авторы статьи высказывают предположение, что картина, нарисованная М. Горьким, была несколько однобокой и местами очевидно противоречила истине. Рассматриваются причины, которые могли заставить М. Горького быть слишком субъективным в оценке как «Самарского вестника» в целом, так и отдельных его сотрудников. Среди этих причин были, в частности, выдвинутые марксистами, сотрудничавшими с «Вестником», в адрес М. Горького обвинения в том, что он отстаивал, по их мнению, позиции «уходящих со сцены» народников; зависть последнего молодым, образованным и прогрессивно-мыслящим сотрудникам газеты-конкурента; а также — образованность конкурентов, казавшихся более наивному и «державшемуся с вызовом» М. Горькому чрезмерно заносчивыми и высокомерными. Отдельно рассматривается причина особой «нелюбви» М. Горького к Р.Э. Циммерману, выбранному М. Горьким в главные герои конфликта с «недемократично» себя ведущими марксистами: сложившийся как теоретик и уже заявивший о себе как писатель, Р.Э. Циммерман больше других подходил на роль идеологического противника М. Горького, который ещё только искал своих путей в литературе и в жизни.

Ключевые слова: М. Горький, Р. Циммерман, народники, марксисты, «Самарская газета», «Самарский вестник», полемика, И. Груздев, биография, поправки.

Информация об авторах: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Оксана Владимировна Пелевина — аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

E-mail: oxanapele@gmail.com

Для цитирования: *Перепелкин М.А., Пелевина О.В.* «Следуют пункты». К истории взаимоотношений М. Горького с «Самарским вестником» и Р.Э. Циммерманом // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 155–173. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>

В апреле 1933 г. М. Горький в письме И.А. Груздеву из Сорренто сделал ряд поправок относительно биографической книги последнего о нём, между прочим, коснувшись деталей своей жизни в Самаре в 1895–1896 гг., службы в «Самарской газете» и взаимоотношений с сотрудниками другой, издававшейся в эти годы в Самаре газеты, — «Самарского вестника». Вот что он писал:

«Самарская газета» издавалась антрепренёром театра Новиковым, затем перешла за долги купцу Костерину, молодому человеку не очень плохих качеств. «Самарский вестник» издавал помощник и бывший земский начальник Реутовский. Его представителем в редакции на правах секретаря и администратора был некто Валле де Бар, личность тёмная и, наверное, незаконно присвоившая себе дворянское «де». Клубный игрок в карты, играл с цензором Дмитриевым, редакции газеты не мешал, сотрудники — между собой именовали его “милым прохвостом”. П.П. Маслов в 95 г., кажется, ещё не был в составе редакции. Чириков не сотрудничал в этой газете, он марксистов — не любил. Не любил их и я, *как людей*, а — почему, «следуют пункты» [1, с. 58].

Отдельного, и едва ли — не самого пристального, внимания в этой части письма М. Горького удостоился один из сотрудников нелюбимого им «Самарского вестника» Р.Э. Циммерман, о котором сказано следующее:

Циммерман-Гвоздев напечатал книгу «Кулачество-ростовщичество», в которой доказывалось, что кулак и ростовщик — прогрес-

сивное явление, ибо они «концентрируют капитал». Циммерман был бородатый красавец типа прусского солдата 70–71 г., высокий, могучий и настолько законченно глупый, что даже казался мудрецом. Его очень любили самарские купчихи среднего возраста. Книга и разговорчики его возмущали меня. Я его обидел: написал и послал ему грубоватую басенку, он ответил мне в своей газете, и помнится — стихами же, первая строка их: «Хаврониус, ругатель закоснелый», — чужая строка, но я начал мою басню тоже чужой строчкой [1, с. 58].

Далее следуют ещё несколько лаконичных характеристик, которые М. Горький дал другим сотрудникам «Самарского вестника»:

«Мих. Григорьева я знал ещё в Казани, когда он был реалистом, впоследствии он — управляющий нижегородской конторой «Пароходства по Волге» и автор весьма суровых «декретов» по адресу матросов и служащих пароходства. Меньшевик. Кажется, — жив ещё, работает у нас, в Гамбурге. Клавтон — молодой щёголь, английского типа, таков же и Керчикер. Оба они вместе с Валле де Бар вели довольно «весёлую жизнь» купно с купеческой молодёжью. Клавтон расстрелян в Сибири как «колчаковец». О Керчикере — ничего не знаю. Был там ещё: Пигеев, статистик, человек мутный и страдавший от неутолённой любви. Не нравились все они мне потому, что я находил их недостаточно «демократичными», а не потому, что они марксисты. И в качестве «возлюбивших истину новую» они казались мне слишком высокомерными и — «прильпе учение разуму — не возжгло сердца их». В общем же взаимоотношения наши отнюдь не были враждебными, и, когда я, поссорившись с редакторами «Самар<ской> газеты», ушёл из неё, — Мих. Григорьев приглашал меня — от лица всей редакции — сотрудничать в «Сам<арском> вестнике». Но я уже согласился работать на «Всероссийской выставке» в Нижнем для «Одесских новостей» <...> [1, с. 58–59].

Прежде всего, подчеркнём, что в апреле 1933 г., когда писалось это письмо, исполнилось более 38 лет с того момента, как А.М. Пешков приехал в Самару, и почти 37 лет, как он из неё уехал: срок, разумеется немалый, а если учесть, что именно на эти годы пришлись все русские революции, мировая и гражданская войны, и, скажем так, весьма непростая, а подчас — и очень бурная личная и творческая жизнь М. Горького и поколения его ровесников и современников, то можно сказать, что, принимаясь за это письмо своему

биографу и сделав отмеченные нами поправки, М. Горький взвалил на себя задачу, почти не решаемую. Тем не менее, он за эту задачу взялся, а значит, мы вправе посмотреть на его поправки внимательно и в свою очередь подвергнуть их критическому анализу.

Итак, начнём с деталей, или, цитируя самого М. Горького, с некоторых «пунктов», первым из которых должен стать не легендарный, а истинный абрис различий между двумя выходившими в 1890-е гг. в Самаре газетами — «Самарской газетой» и «Самарским вестником». Надо признаться, что характеризуя взаимные отношения и отличия двух газет друг от друга, М. Горький обходится весьма расплывчатой формулировкой: «“Самарская газета” издавалась антрепренёром театра Новиковым, затем перешла за долги купцу Костерину, молодому человеку не очень плохих качеств. “Самарский вестник” издавал помощник и бывший земский начальник Реутовский». Что может вытекать из этой формулировки? На наш взгляд, вытекает примерно следующее: тогда как «Самарская газета» издавалась «молодым человеком не очень плохих качеств», её конкурент, «Самарский вестник», напротив, принадлежал, видимо, совсем не молодому (а значит — скорее всего, ретрограду и защитнику всего «бывшего» и косного) «помощнику» (здесь автор письма не уточняет, «помощнику» кого или чего) и «бывшему земскому начальнику Реутовскому».

Далее следует характеристика «представителя» Реутовского «некоего» Валле де Бара, который, по словам М. Горького, был «личностью тёмной и, наверное, незаконно присвоившей себе дворянское “де”». «Клубный игрок в карты», игравший с цензором и редакции не мешавший, «милый прохвост», по прозвищу сотрудников редакции, он выглядит в изображении автора письма едва ли не маргиналом в газетном деле, не имеющим отношения к настоящей деятельности газеты и использующим её в своих тёмных делах и в утолении жажды наживы.

Может быть, не в такой мере, но досталось от делающего поправки автора письма и другим сотрудникам «Самарского вестника» — хоть и не «прохвостам», но тоже в той или иной мере заслужившим нелюбовь М. Горького: М.Г. Григорьеву — за «суровые “декреты” по адресу матросов и служащих пароходства» и за «меньшевизм», А.К. Клафтону (у Горького — Клавтон) — за молодость и щёгольство, а также — за «“весёлую жизнь” купно с купеческой молодёжью» и за последовавшую после революции службу у Колчака, И.А. Керчикеру — просто за компанию с Клафтоном, а некоему Пигееву — за «мутность» и «неутолённую любовь», и всем вместе — за недоста-

точный демократизм. Есть, правда, по крайней мере два человека, довольно странным образом избежавшие горьковской «нелюбви» и за недемократизм, и за прочие прегрешения. Эти двое — П.П. Маслов, который, по словам М. Горького, «в 95 г., кажется, ещё не был в составе редакции», и Е.Н. Чириков, который, опять же по словам автора письма и поправок, «не сотрудничал в этой газете», так как «он марксистов — не любил».

Но больше других досталось от М. Горького именно Р.Э. Циммерману, провинившемуся сразу по нескольким пунктам, а именно — напечатанием книги «Кулачество-ростовщичество», «в которой доказывалось, что кулак и ростовщик — прогрессивное явление, ибо они “концентрируют капитал”»; ещё тем, что он был «бородатый красавец типа прусского солдата 70–71 г., высокий, могучий и настолько законченно глупый, что даже казался мудрецом. Его очень любили самарские купчихи среднего возраста», и наконец, тем, что «книга и разговорчики его возмущали» автора письма, который в силу всего выше сказанного счёл себя вправе «его обидеть», что он и сделал, «написав и послав ему грубоватую басенку».

А вот дальше, признавшись в своей нелюбви к «Самарскому вестнику» и почти каждому из его сотрудников, М. Горький вдруг сделал довольно неожиданное признание — неожиданное в контексте всех своих ранее приведённых замечаний и критики: «В общем же взаимоотношения наши отнюдь не были враждебными, и, когда я, поссорившись с редакторами “Самарской> газеты”, ушёл из неё, — Мих. Григорьев приглашал меня — от лица всей редакции — сотрудничать в “Самарском> вестнике”». Подчеркнём и то, что, сообщив об этом приглашении хоть и не во враждебное, но — и не дружественное издание, автор письма вдруг как бы забывает о только что заявленной им принципиальности и несходстве во взглядах со слишком высокомерными конкурентами в газетном деле и чистосердечно признаётся, что от сотрудничества с «Самарским вестником» он отказался совсем не по принципиальным соображениям, а потому, что «уже согласился работать на “Всероссийской выставке” в Нижнем для “Одесских новостей” — по 200 р. в месяц, а не по 800, — такие гонорары в ту пору, вероятно, только во сне снились. Амфитеатров, будучи в чине “комиссара печати” на Выставке, получал у Суворина 500» [1, с. 59].

А теперь оставим ненадолго М. Горького и его «поправки» к его же биографии, написанной И.А. Груздевым, и обратимся к другим источникам, реконструирующим историю «Самарского вестника». Одним из таких источников, с которым, скорее всего, был знаком

и М. Горький, была большая статья бывшего самарского журналиста Н.А. Самойлова «Первая легальная марксистская газета в России», увидевшая свет в 1927 г. в журнале «Пролетарская революция». Представляется необходимым сразу же подчеркнуть то обстоятельство, что знакомство с текстом этой статьи ставит под сомнение целый ряд горьковских выводов и поправок.

Во-первых, Самойлов следующим образом описал характер отличий и взаимоотношения между «Самарской газетой» и «Самарским вестником», сложившиеся в 1895–1896 гг.:

«Самарская газета» — бульварный листок, основанный ещё в 80-х годах бессменным антрепренером Самарского городского театра и закадычным приятелем «отцов города» И.П. Новиковым, была к тому времени приобретена от него местным купцом с тягой к культуре С.И. Костериным. Сам далекий от литературы и смотревший на издание газеты, как на «дело», Костерин пригласил для редактирования её Н.П. Ашешова <...> Газета через него тесно сближалась с жизнью <...> Та группа, о которой я говорил выше, не вся и не сразу вошла в «Самарскую газету». Если мне не изменяет память, началось его вхождение с Е.Н. Чирикова, который начал писать в газете нечто вроде обзора провинциальных курьезов — под псевдонимом «Е. Валин». За ним (а, может быть, и вместе с ним) в газету вступил брат его жены М.Г. Григорьев, в то время весёлый и живой человек с мягкими манерами. Он взял на себя репортаж. Вслед за ним постепенно к работе в «Самарской газете» приступили и другие члены той группы, которая потом создала «Самарский вестник». Однако, совместная работа их с Н.П. Ашешовым продолжалась недолго и кончилась тем, чем и должна была кончиться: разрывом и третейским судом. Расхождения оказались и принципиальными и практическими. Группа очень скоро разглядела истинную физиономию газеты и её шефа С.И. Костерина, а получить возможность реального влияния на физиономию газеты, в виду противодействия этому со стороны Н.П. Ашешова, не могла. Выйдя коллективно из редакции «Самарской газеты», группа через посредство третейского суда пожелала установить мотивы своего с ней расхождения. Решение суда было единогласное и всецело в пользу группы. С «Самарской газетой» было покончено. Если «Самарская газета» была органом выступавшей тогда на арену общественности либеральной буржуазии и брала тон зачастую даже радикальный, то «Самарский вестник», выходявший одновременно с нею, никаких интересов не представлял, включая и интересы его редактора-издателя. Это была

газета без всякой физиономии. «Самарский вестник», под скромным названием «Самарский вестник объявлений», был основан, как и «Самарская газета», тем же вездесущим И.П. Новиковым. Кажется, в 1893 или 1894 году разрешение на эту газету И.П. Новиков вместе с редактором её Валле де Барром продал молодому самарскому земцу Н.К. Реутовскому, человеку с хорошим образованием и средствами, очень мягкому и воспитанному, но далеко не острого ума и, хотя с большой тягой к литературе, однако, без всякого литературного таланта. Приобретя газету у Новикова, Реутовский повел её через Валле-де-Барра, как свою личную прихоть, а не общественное дело. Писали там иногда сам Реутовский, иногда его приятели, о чем только им вздумается. Был, впрочем, там один своеобразно идейный сотрудник — И.Н. Ржанов, прототип члена будущего «союза русского народа», который носился со своим девизом: «Читаю “Гражданин” и “Русь” и никого не боюсь» [5, с. 91–93].

Как видим, картина, нарисованная автором статьи, весьма отличается от того наброска, который было взялся набросать, но так и не окончил М. Горький. Если горьковская характеристика ограничивается констатацией того, что «Самарская газета» издавалась «молодым человеком не очень плохих качеств», а владельцем «Самарского вестника» был не очень понятный «помощник и бывший земский начальник Реутовский», то Самойлов рисует вполне определённую картину: «Самарская газета» из бульварного листка постепенно превратилась в «орган выступавшей тогда на арену общественности либеральной буржуазии и брала тон зачастую даже радикальный», а «Самарский вестник», выходявший одновременно с нею и поначалу «никаких интересов не представлявший», после перехода в него «группы», не согласной с Ашешовым, начал становиться «прогрессистским» и далёким от взглядов либеральной буржуазии изданием.

Идём дальше и доходим до характеристик Н.К. Реутовского и Е.А. Валле-де-Барра. Как мы помним, у М. Горького они — «помощник и бывший земский начальник» и «личность тёмная», «клубный игрок в карты», «милый прохвост». Самойлов же даёт им совсем другие характеристики. Первый, по его словам, был «человеком с большими губернскими связями, финансирующим притом газету <...>, дворянином, аристократом, помещиком», который «сроднился с марксистским “Самарским вестником”, с его миропониманием и идеалами» и «из скучающего денди, который для своего развлечения начал издавать газету, он обратился в гражданина, остро ощущающего социальные противоречия и в газетном деле свои

действия строго подчинившего директивам руководящей группы» [5, с. 93–94]. Что касается второго, то он и вовсе назван Самойловым «наиболее красочной и по-своему талантливой фигурой»:

В молодости друг Дорошевича, когда последний был только разухабистым сыном своей матери, Валле-де-Барр унаследовал все достоинства и недостатки бульварного газетчика 80-х годов: любовь к интриге и скандалу, немножко Леока, немножко гражданского пафоса, живой и литературный стиль и очень много «зарытой собаки», которую читателю предлагалось всегда разыскивать в его статьях. Близко вхожий в кулуары Городской Думы и земских собраний и знаток прошлого этих кулуаров, он писал в «Самарском вестнике» статьи по земским и городским делам, под псевдонимом Х. Z., Бр., Е. В. и вёл обзор прессы. Чуткий газетчик, он быстро усвоил новые веяния в «Самарском вестнике» и соответственно перестроился. Марксизму он остался чужд совершенно и не понимал его, но тесное общение с новой для него средой личной безукоризненности пробудило в его измятой жизнью душе старого литературного циника какую-то неясную тоску по навсегда потерянным для него светлым рае <...> Е.А. Валле-де-Барр играл роль фактического редактора и выпускал иногда за редактора отдельные номера «Самарского вестника» [5, с. 96–97].

Итак, «помощник и бывший земский начальник» при ближайшем рассмотрении оказывается «человеком с большими губернскими связями <...>, дворянином, аристократом, помещиком», который «сроднился с марксистским “Самарским вестником”», а «личность тёмная» и «милый прохвост» — «наиболее красочной и по-своему талантливой фигурой», игравшей в газете роль фактического редактора.

Ничуть не менее ярких характеристик достаиваются в статье Самойлова и другие сотрудники «Самарского вестника», обвинённые М. Горьким в «недемократизме» и прочих грехах: М.Г. Григорьев — «всегда живой, элегантный и энергичный, <...> по целым дням носился по городу», «гордился — и справедливо — солидной постановкой репортажа» [5, с. 98]; А.К. Клафтон — один из тех, кто наряду с Р.Э. Циммерманом выступал «настоящей душой “Самарского вестника”», «последовательный, с примесью горечи» скептик, чьи «колоритные обзоры из провинциальной жизни “Наши нравы”, которые он вёл под псевдонимом Сашина», были «всегда в точку бившими и всегда принципиальными» и «будившими критицизм чи-

тателя, заинтересовавшими его, формировавшими его неопределённые настроения и вводившими в круг новых для него проблем, над разрешением которых в газете трудились другие» [5, с. 103–104]; И.А. Керчикер — автор «небольших заметок по текущим вопросам народного образования, общественной гигиены и охраны труда», настоящий марксист, который так тщательно скрывал свои убеждения, что «только выбор тем позволял угадывать в нём его действительные взгляды» [5, с. 98]. Никакого «статистика Пигеева», отчего-то запомнившегося М. Горькому, Н.А. Самойлов не упоминает в своей статье вообще, а вот зато имена В.И. Ушакова («безобиднейший и незлобный» [5, с. 97]), А.М. Михайлова («оригинальный самородок» [5, с. 97]), С.С. Неуструева («даровитый студент-естественник» [5, с. 99]), Н.И. Васильева («литератор и только литератор» [5, с. 99]), Д.Я. Слободчикова («дал газете ряд литературно-критических статей в духе шаблонной литературной критики 90-х годов» [5, с. 100]) и некоторых других не только упоминает, но и подробно характеризует их место и роль «в определении общественно-политической физиономии “Самарского вестника”» [5, с. 100]. Уточняется Самойловым ещё одно горьковское «кажется», относящееся к П.П. Маслову: если, по Горькому, «Маслов в 95 г., кажется, ещё не был в составе редакции», то Самойлов показывает — и показывает аргументировано, что как раз Маслов был «самой видной и цельной фигурой этого крыла “Вестника”» [5, с. 98]. Не представляется сложным опровергнуть и ещё одно горьковское утверждением — о том, что «Чириков не сотрудничал в этой газете»: сотрудничал и сотрудничал очень активно, публикуя в ней статьи, театральные рецензии и наброски беллетристических произведений [см.: 2, с. 31–34].

Особое внимание в статье историографа «Самарского вестника» уделяется фигуре Р.Э. Циммермана, «души газеты», «строгого марксиста», очерки которого были полны «светлого объективизма», а сам он — «доканчивал то идейное “окружение” читателя, которое начинал Клафтон» [5, с. 103–104]. Довольно подробно останавливаясь на биографии Циммермана, выходца из богатой московской немецкой семьи и студента, сосланного в Сибирь за социал-демократическую пропаганду, Н.А. Самойлов констатирует, что из ссылки в Самару Циммерман «приехал уже вполне созревшим и высокообразованным марксистом», «писал <...> исключительно много, начиная от экономических статей типа передовицы <...> и фельетонов <...> до серьёзных исследований по экономическим вопросам» [5, с. 104].

Таким образом, как видим, картина, нарисованная М. Горьким в письме И.А. Груздеву, очень сильно отличается от той картины,

которую рисует Н.А. Самойлов, — отличается и по каждому из «пунктов», и — в целом, причём настолько, что даже кажется, что описывают два автора не одну и ту же, а две совершенно разные ситуации и разных её участников. Предвидим, однако, что здесь может возникнуть вопрос: есть ли какие-то основания для того, чтобы думать, что это М. Горький, а не Н. А. Самойлов, случайно или с какой-либо целью, искажил истинное положение вещей, что-то приукрасив, а что-то — просто «забыв», в результате чего получилась картина, весьма далёкая от той, что имела место в действительности? Полагаем, такие основания есть, и одним из них является развёрнутый исторический очерк ещё одного автора, А.А. Санина, увидевший свет в том же 1933 году, что и письмо М. Горького к И.А. Груздеву. Речь идёт об очерке, опубликованном отдельной книгой «“Самарский вестник” в руках марксистов (1896–1897 гг.)» [6]. Санин, правда, обходит стороной вопрос взаимоотношения двух изданий — «Самарской газеты» и «Самарского вестника», но зато даёт не менее яркие и запоминающиеся характеристики почти всем их сотрудникам, включая издателя Н.К. Реутовского и «души газеты», как назвал его Самойлов, — Р.Э. Циммермана: Реутовский — «человек ещё молодой, лет 35 на вид, богатый помещик-холостяк, бывший бузулукским уездным предводителем дворянства» [6, с. 39], который «мало-помалу заразился духом борьбы» [6, с. 41]; А.К. Клафтон — «тогда ещё молодой человек, 25 лет, года за три перед тем изгнанный с медицинского факультета Казанского университета из-за ареста по политическому делу» [6, с. 63], несмотря на молодость которого «в нём и тогда была видна крупная личность, сильный и цельный характер» [6, с. 64]; Р.Э. Циммерман — «“ревельский гражданин”, как он значился в паспорте, недавно возвратившийся из Восточной Сибири, куда он был сослан на пять лет по делу “Самоуправления”» [6, с. 35], и игравший заметную роль в определении направления издания. Пожалуй, единственной фигурой, в характеристике которой Санин несколько расходился с Самойловым и приближался к Горькому, был Е.А. Валле-де-Барр, аттестованный Саниным «человеком совершенно беспринципным, только подписывавшимся “за редактора” во время отлучек Реутовского да исподтишка строившим нам каверзы» [6, с. 62].

Итак, рассмотренные нами очерки Н.А. Самойлова и А.А. Санина убеждают в том, что, выстраивая свою концепцию истории «газетного вопроса» в Самаре середины 1890-х гг. и историю «Самарского вестника» в частности, М. Горький руководство-

вался какими-то иными соображениями, чем близость к истине. Ну, или, так: истина, какой она представлялась в 1933 г. М. Горькому, сделавшему примечания и поправки к своей биографии, написанной И.А. Груздевым, несколько отличалась от того положения вещей, каким оно виделось другим современным наблюдателям и, в частности, — людям, сотрудничавшим с «Самарским вестником». И вот здесь возникает вопрос: какими были причины, подтолкнувшие М. Горького к тому, чтобы настаивать на той версии противостояния с «Вестником», которая вытекает из всех его поправок?

Причин этих несколько, и каждая из них заслуживает того, чтобы быть рассмотренной отдельно.

Первую из этих причин, как нам представляется, сформулировал сам М. Горький в том же самом письме, но — чуть ниже:

П.П. Маслов в статье «Родословная современной молодёжи», «Сам<арский> вестник», 28.I.96 г., говорит о полемике между самарскими студентами и «Самарск<ой> газетой» по поводу современной молодёжи, которую Иегудиил Хламида и Эс Пе — Степан Петров-Скиталец — «обвиняют во всех смертных грехах». Скиталец — в стихах, а я — в прозе, мы действительно резко писали о молодёжи, включая в одни скобки и студентов, и «горчишников» — молодое мещанство хулиганского направления <...> Вообще в 95 г. Самара изобиловала скандальными кутежами и хулиганскими выходками молодёжи, и в Самаре, городе сугубо купеческом, но торговом, а не промышленном, трудно было «подметить формирование новой молодёжи»; Н. Ангарский в книжке «Легальный марксизм», изд. «Недра», выпуск 1-й, 925 г., зря упрекает меня в том, что я не «подметил». Нечего было подмечать [1, с. 59].

На наш взгляд, в этом высказывании М. Горького требуют комментариев сразу несколько моментов, среди которых есть более очевидные (сотрудничество Скитальца с «Самарской газетой» началось только в 1897 г., примерно через год после отъезда из Самары М. Горького, а значит, автор статьи «Родословная современной молодёжи», увидевшей свет в январе 1896-го, не мог иметь в виду его «стихов», в которых он, как и М. Горький в прозе, «резко писал о молодёжи»), а есть — менее очевидные, но не менее значимые. Как видим, и почти сорок лет спустя после полемики с П.П. Масловым М. Горький почему-то помнил о его статье и продолжал горячо доказывать свою правоту, приводя аргументы и настаивая на ней. Почему? Как нам представляется, ответ на этот вопрос даёт уже

упоминавшийся нами Н.А. Самойлов, также коснувшийся в своём очерке и этой статьи Маслова, и полемики с М. Горьким.

Нельзя сказать, чтобы первые шаги обновленного «Самарского Вестника» были встречены приветливо, — пишет Н.А. Самойлов. — Казалось непонятным, каким образом ушедшие из «Самарской газеты» из нежелания встать на путь общественного компромисса могли рискнуть, как думалось, на горший компромисс с Н.К. Реутовским. Именно эту точку зрения, в конце концов, морального осуждения только что оправданной решением третейского суда стороны особенно прямолинейно и настойчиво проводил один из третейских судей П.П. Крылов. Были и другие. Любопытным литературным отголоском этой полосы явилось несколько эпизодов в жизни тогдашнего — полумарксистского ещё — «Вестника» и, в частности, интересная и уже вполне марксистская статья П.П. Маслова «Родословная современной молодежи» (№№ 23, 29 и 37 «Самарского Вестника» за 1896 г.). 1895–1896 гг. были эпохой охлаждения молодёжи к идеологии народничества. Недавние кумиры — большие в столицах и маленькие в провинции — низводились безжалостно, как только умеет делать это молодость, со своих пьедесталов: это было время развенчания Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, пожалуй, А.А. Исаева, пока ещё не начавшего делать своего поворота к социал-демократии, и многих других. Уходящие со сцены не оставались в долгу, и модным было обвинять новое поколение в общественном равнодушии, сухости и оправдании действительности, а через молодежь — и то теоретическое учение, которое базировалось на принципах определения сознания бытием, а в области текущей действительности утверждало в качестве обязательной для России стадии прохождения через капиталистический фазис развития. В Самаре этот бой между молодежью и радикальной интеллигенцией предшествующих поколений разыгрался на газетных столбцах в начале 1896 года, и любопытен между прочим он тем, что в нём был застрельщиком против молодежи Максим Горький, писавший в то время в «Самарской Газете» фельетоны на злобы дня под псевдонимом «Иегудиил Хламида». Был он тогда писателем только что начинающим (кажется, только «Челкаш» его и был напечатан в большой прессе) и малообразованным; странно, вычурно одевался и держался с каким-то вызовом всему миру в манерах и поведении: буйное вино босяческого отрицания и протеста бродило в нем тогда вовсю. Итоги полемики подвел П.П. Маслов в своей статье. Несколько триумфов с теперешней точки зрения о связи идеологии с экономикой и исторической необходимости ох-

лаждения к идеалам народничества, утопичность которых выявила определившаяся вне их desiderata (благих пожеланий) эволюция производственных отношений, были тогда новы и интересны и вносили свежие ноты в шаблонную трактовку вопроса об отцах и детях, над которой интенсивно упряжались Станюкович и К° [5, с. 94–95].

Итак, как утверждает Самойлов, Иегудиил Хламида (он же — М. Горький) «был застрельщиком против молодежи», очевидно отстаивавшим позиции «уходящих со сцены» и «не остававшихся в долгу», — обвинение, на наш взгляд, более чем серьёзное и достаточное для того, чтобы спустя почти сорок лет после давней драки пытаться доказать безукоризненность своей позиции, хоть бы и ценной фантастических обвинений давних противников в чём угодно и даже — якобы в «страданиях от неутолённой любви».

Другая причина тоже связана с отмеченными выше обстоятельствами: А.М. Пешков был приглашён в Самару, чтобы занять место ушедших из «Самарской газеты» молодых, образованных и прогрессивно мыслящих сотрудников, которые были ему, очевидно, гораздо ближе по духу, чем все те, кто в этой газете остался и продолжал публиковаться на её страницах — акулы пера С.С. Гусева (Слово-Глаголь), успешного нотариуса А.А. Смирнова (Треплева), «бывшей» графини А.Л. Толстой, изысканной Е.А. Буланиной и других подобных, с кем теперь делил Иегудиил Хламида газетные полосы. Нет никаких сомнений в том, что молодой и протестный дух «Самарского вестника» привлекал его и был для него и завидным, и пленительным. Но зависть завистью, а служба — службой, и служил А.М. Пешков не в молодом и прогрессивном «Вестнике», а в более консервативной и представляющей «уходящих со сцены» «Самарской газете». Отсюда — и особый азарт писавшего фельетоны на злобы дня Иегудиила Хламида, которому было бы весьма лестно быть в стане противников, а потому — стремившегося нанести им удар побольнее и позаметнее.

Наконец, была и ещё одна, третья, причина, о которой тоже обмолвился Самойлов, заметивший о М. Горьком, что «был он тогда писателем только что начинающим <...> и малообразованным; странно, вычурно одевался и держался с каким-то вызовом всему миру в манерах и поведении». «Буйное вино босяческого отрицания и протеста», бродившее в начинающем писателе и, в самом деле, малообразованном человеке М. Горьком, заметно отличало его от вполне сложившихся и гораздо лучше него образованных сотрудников «Самарского вестника», большинство из которых имело либо оконченное гимназическое, либо — неполное высшее образование,

прерванное судами и ссылками по политическим мотивам. Очевидно, что образованность конкурентов, казавшихся в чём-то более наивному, а в чём-то — обиженному и «державшемуся с вызовом» М. Горькому чрезмерно заносчивыми и высокомерными, отталкивала его от них и притягивала в одно и то же время, заставляла «не любить марксистов» и мечтать о работе вместе с ними. Замечательно, с нашей точки зрения, что эта любовь-нелюбовь не исчезла с годами и напомнила о себе даже спустя почти сорок лет при чтении писателем биографии, написанной И.А. Груздевым.

Теперь скажем несколько слов об эпизоде, ставшем едва ли не центральным во всей истории, которая условно может быть названа конфликтом между М. Горьким и «Самарским вестником», и о человеке, выдвинутом М. Горьким, делающим поправки к своей биографии, в число его главных участников — Р.Э. Циммермане.

Рейнгольд (Роман) Эмильевич Циммерман (1866–1900) — политический и общественный деятель, публицист, писатель, прибыл в Самару весной 1894 г. из Иркутской губернии, где он отбывал пятилетнюю административную ссылку, к которой был приговорён за участие в антиправительственном политическом движении (см.: [8, с. 55–56; 4, с. 582–583; 3, с. 34–41]). Живя в Самаре, Циммерман служил в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги, был одним из руководителей марксистского кружка, сотрудничал вначале с «Самарской газетой», а потом — с «Самарским вестником», переводил и публиковал свои переводы из Ницше, занимался вопросами политической экономии и философии; изредка в столичных журналах печаталась также беллетристика Циммермана, на которую он, по словам одного из его знакомых, «слишком мало обращал внимания»¹, и которая была собрана и опубликована отдельной книгой уже после его внезапной кончины в апреле 1900 г.

Современник Циммермана и М. Горького, хорошо знавший их в самарский период их деятельности, А.А. Смирнов (Треплев) даёт такую характеристику Циммерману, часто бывавшему, по его словам, в самарских «салонах», где собиралась демократическая интеллигенция 1890-х:

Там постоянно бывал возвращённый из ссылки в Сибирь Ром<ан> Эмил<евич> Циммерман, бывший студент Петербургско-

¹ <Чириков Е.Н.>. Роман Эмильевич Циммерман (Некролог) // Жизнь. 1900. № 4. С. 467.

го университета², марксист, научно-образованный, высокий шатен лет 28, с очень правильными чертами румяного лица, освещённого большими серыми, немного близорукими глазами, всегда в золотом пенсне. Эти глаза, пристально глядевшие на собеседника, и большой открытый лоб напоминали критика Д.И. Писарева, как он изображён на всем известном портрете. Речь Циммермана была всегда неизменно спокойна, немногословна и уверенна, и от неё и от всей личности оратора веяло какой-то скрытой, ещё не развернувшейся силой. Ром<ан> Эмил<ьевич> всем, даже людям «иногo толку», внушал невольное уважение. Циммерман переводил Ницше — «Так говорил Заратустра», печатая отрывки в соц<иал>-дем<ократическом> «Самарском вестнике»³, пристально занимался вопросами политической экономии, а также философии. Помнится, он показывал мне свою статью, если не изменяет память в «Вопросах философии и психологии»⁴. Большого шума и журнальной брани в народническом лагере вызвала его книга (под псевдонимом «Гвоздѣв») «Кулачество-ростовщичество», где он давал оригинальное освещение этому явлению, по уверению своих идейных врагов, «оправдывая» его с марксистской точки зрения, как явление, способствующее энергичному развитию и ускоряющее его крах, а потому и «прогрессивное». Эта теория возмущала до глубины души народников-идеалистов. Умственной и моральной силе, которая чувствовалась в Циммермане, не удалось развернуться. После долгих хлопот ему разрешили вернуться в Петербург, куда ранее въезд был ему запрещён, а <куда> он стремился, но разрешение пришло накануне смерти: какая-то болезнь, схваченная на охоте, похожая и на злокачественную лихорадку, и на менингит, в несколько дней, к горестному изумлению всех знакомых, цветущего юношу уложила в гроб весною 1900 года.

² Здесь мемуарист ошибается: Циммерман учился в Московском императорском техническом училище, где он пробыл до 3-го общего курса, после чего был арестован и сослан в Сибирь.

³ На самом деле, переводы из Ницше публиковались в «Самарской газете», см.: Так говорил Заратустра. О дитяти и браке // Самарская газета. 1895. 5 января. С. 3; Так говорил Заратустра. Тысяча и одна цель // Самарская газета. 1895. 8 января. С. 4; Так говорил Заратустра. О друге // Самарская газета. 1895. 22 января. № 18. С. 4; Так говорил Заратустра. О пути к творчеству // Самарская газета. 1895. 5 марта. № 50. С. 4; Так говорил Заратустра. О базарных мухах // Самарская газета. 1895. 11 марта. № 55. С. 3; Нисхождение Заратустры (начало) // Самарская газета. 1895. 12 марта. № 56. С. 3; Нисхождение Заратустры (окончание) // Самарская газета. 1895. 25 марта. № 67. С. 2–3. Первые три перевода опубликованы без подписи переводчика, последние четыре — за подписью «С».

⁴ В действительности теоретическая статья Р.Э. Циммермана была опубликована не в петербургском, а в московском научном журнале: К вопросу о телеологичности исторического процесса // Научное обозрение. 1898. № 8. С. 1429–1444.

После смерти Ром<ана> Эмил<ьевича> была издана книга его рассказов, преимущественно из сибирской жизни [7, с. 382].

Столь же высокого мнения о Циммермане придерживались, как мы уже видели, и другие мемуаристы, писавшие об истории «Самарского вестника» и об одном из его ключевых сотрудников — Н.А. Самойлов и А.А. Санин.

Что из всего этого следует? А следует, на наш взгляд, то, что нет ничего случайного в том, что именно Р.Э. Циммерман был выбран вспомнившим о своих непростых отношениях с «Самарским вестником» М. Горьким в главные герои конфликта с «недемократично» себя ведущими марксистами.

Напомним также следующий фрагмент горьковского письма, в котором говорится о Циммермане: «Книга и разговорчики его возмущали меня. Я его обидел: написал и послал ему грубоватую басенку, он ответил мне в своей газете, и помнится — стихами же, первая строка их: “Хаврониус, ругатель закоснелый”, — чужая строка, но я начал мою басню тоже чужой строчкой». В этом фрагменте требуют комментариев сразу два момента. Первый: книга Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» (за подписью Р. Гвоздёв) увидела свет в Петербурге только в 1898 г. (на обложке обозначен 1899 г.), — следовательно, М. Горький, уехавший из Самары в мае 1896-го, не мог ни читать её в самарский период своей жизни (разве только фрагменты, публиковавшиеся в периодике), ни — возмущаться ею. И второй: ни одному из исследователей, занимавшихся изучением самарской публицистики М. Горького, до сих пор не удалось обнаружить ни «грубоватой басенки» М. Горького, адресованной Циммерману, ни — ответа на неё последнего, помещённого, как пишет М. Горький, «в газете». Отсюда возникает вопрос к горьковскому признанию «я его обидел»: так «обидел» или «хотел бы обидеть», а значит — и «ответил» или «мне бы хотелось, чтобы ответил»? Увы, ответов на эти вопросы у нас нет и вряд ли они вообще могут найтись, но искать ответы на эти вопросы представляется существенным, так как они избавят нас как от случайных, так и от намеренных ошибок, появившихся в результате желания классика представить некоторые эпизоды собственной биографии чуть-чуть в ином свете, — желания, избежать которого, увы, не всегда удаётся даже великим.

Литература

1. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2022. Т. 22. Кн. 1: Письма: март 1933 – июнь 1934. 925 с.
2. *Перепелкин М.А.* Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Монография. Самара: Слово, 2020. 152 с.
3. *Перепелкин М.А., Пелевина О.В.* «Политически неблагонадёжный» писатель Циммерман: попытка биографии // Самарский архивист. 2021. № 2. С. 34–41.
4. *Перепелкин М.А., Соловьёва Л.А.* Циммерман Рейнгольд Эрнст // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия, Нестор-история, 2019. Т. 6: С–Ч. С. 582–583.
5. *Самойлов Н.* Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 90–109.
6. *Санин А.* «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.). М.: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 74 с.
7. *Смирнов (Треплев) А.* Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара: Самарский университет, 2006. 511 с.
8. *Янкина Л.И.* М. Горький в Самаре. Куйбышев: [Б. и.], 1973. 112 с.

Research Article

“Points to Follow.” On the History of Relations between M. Gorky and “Samarsky Vestnik” and R.E. Zimmerman

© 2023. Mikhail A. Perepelkin, Oksana V. Pelevina
Samara National Research University,
Samara, Russia

Abstract: Making corrections to his biography written by I.A. Gruzdev, M. Gorky in 1933 paid special attention to how it covered the Samara period of his activity and his relationship with the “Samarsky Vestnik” newspaper, one of the most prominent employees of which was a publicist and writer R.E. Zimmerman. Drawing on the memoirs and testimonies of contemporaries M. Gorky and R.E. Zimmerman — N.A. Samoilova and A.A. Sanin, the authors of the article suggest that the picture painted by M. Gorky was somewhat one-sided and in places contradicted the truth. Further, the reasons that could make M. Gorky too subjective in assessing both “Samarsky Vestnik” as a whole and its employees are considered. Among these reasons were, in particular, the accusations leveled against M. Gorky by the Marxists

who collaborated with “Vestnik” that he defended, in their opinion, the positions of the populists “leaving the stage.” The envy of the latter, who worked in a conservative populist organ, to the young, educated, and progressive-minded employees of the rival newspaper, “Samarsky Vestnik”; and also — the education of competitors, who seemed to the more naive and “holding on with a challenge” M. Gorky excessively arrogant and arrogant. Separately, the reason for the special “dislike” of Gorky for Zimmerman, chosen by Gorky, making corrections to his biography, as the main character of the conflict with “undemocratic” leading Marxists: Zimmerman was more suitable than others for the role of an ideological opponent of Gorky, who was looking for his ways.

Keywords: M. Gorky, R. Zimmerman, populists, Marxists, “Samarskaya Gazeta,” “Samarsky Vestnik,” polemics, I. Gruzdev, biography, amendments.

Information about the authors: Mikhail A. Perepelkin — DSc in Philology, Professor, Samara National Research University, 34 Moscow highway, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Oksana V. Pelevina — PhD student, Samara National Research University, 34 Moscow highway, 443086 Samara, Russia.

E-mail: oxanapele@gmail.com

For citation: Perepelkin, M.A., Pelevina, O.V. “‘Points to Follow.’ On the History of Relations between M. Gorky and ‘Samarsky Vestnik’ and R.E. Zimmerman.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 155–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>

References

1. Gor’kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vols.], vol. 22, book 1: Pis'ma: mart 1933 – iun’ 1934 [Letters. March 1933 – June 1934]. Moscow, Nauka Publ., 2022. 925 p. (In Russ.)
2. Perepelkin, M.A. *Evgenii Nikolaevich Chirikov. Samarskie stranitsy zhizni i tvorchestva* [Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara Pages of Life and Works]. Samara, Slovo Publ., 2020. 152 p. (In Russ.)
3. Perepelkin, M.A., and O.V. Pelevina. “‘Politicheski neblagonadezhnyi’ pisatel’ Tsimmerman: popytka biografii” [“‘Politically Unreliable’ Writer Zimmerman: Biography Attempt”]. *Samarskii archivst*, no. 2, 2021, pp. 34–41. (In Russ.)
4. Perepelkin, M.A., and L.A. Solov’eva. “Tsimmerman Reingol’d Ernst” [“Tsimmerman Reingold Ernst”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia, Nestor-istoriia Publ., 2019, pp. 582–583. (In Russ.)
5. Samoilov, N. “Pervaia legal’naia marksistskaia gazeta v Rossii (‘Samarskii vestnik,’ 1896–1897 gg.)” [“The First Legal Marxist Newspaper in Russia (‘Samarsky Vestnik,’ 1896–1897)”]. *Proletarskaia revoliutsiia*, no. 4, 1927, pp. 90–109. (In Russ.)

6. Sanin, A. “*Samarskii vestnik*” v rukakh marksistov (1896–1897 gg.) [“*Samarsky Vestnik*” in the Hands of the Marxists (1896–1897)]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poseselentsev Publ., 1933. 74 p. (In Russ.)

7. Smirnov (Trepnev), A. *Teatr dush: Stikhi. Kriticheskie etiudy. Vospominaniia. Pis'ma* [Theater of Souls: Poems. Critical studies. Memories. Letters]. Samara, Samara University Publ., 2006. 511 p. (In Russ.)

8. Iankina, L.I. *M. Gor'kii v Samare* [M. Gorky in Samara]. Kuybyshev, [S. n.], 1973. 112 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023
Одобрена после рецензирования: 14.05.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 12.03.2023
Approved after reviewing: 14.05.2023
Date of publication: 25.09.2023